

ЧИСЛО *НЫМÆЦ* КАК САКРАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА В СВАДЕБНОМ ОБРЯДОВОМ ТЕКСТЕ ОСЕТИН

Абаева Ф. О.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-А», г. Владикавказ, пр-т Мира, 10, e-mail: fatia-85@mail.ru

В статье рассматривается числовой код обрядового свадебного текста осетин. Сакральность числа в свадебной обрядности осетин анализируется на основе вербального, предметного и акционального кодов. Выявлено, что в свадебном обрядовом тексте осетин доминируют числа первого десятка. Число три *артæ* символизирует троичную систему мироздания всего сущего. Число семь *авд*, наиболее часто встречающееся в свадебном обрядовом тексте осетин, предполагает символику микрокосмоса человека и базируется на мифологических основах. Также замечено, что в свадебной обрядности осетин имеют место две параллели. С одной стороны, обращение к нечётной символике (нечет в целом наделяется положительной семантикой), а с другой – использование в обрядовых песнях и свадебных молитвословиях чётного числа два *дыууæ*, приобретающего в тексте свадебного обряда конкретную символику и утилитаризм, связанных с объединением жениха и невесты в пару.

Ключевые слова: числовой код, ритуал, обрядовый текст, семантика.

THE NUMBER NYMÆTS AS SACRED ONE IN THE RITUAL WEDDING TEXT OF OSSETS

Abaeva F. O.

Federal State Budget Institution «V. I. Abaev North Ossetic Institute of Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and Republic of North Ossetia – Alania», Vladikavkaz, pr-t Mira, 10, e-mail: fatia-85@mail.ru

The article deals with the numerical code of the ritual wedding text of Ossets. The sacral meaning of the number in the ritual wedding text of Ossets is analyzed with verbal, objective, and actional codes. It was revealed the numbers of the first dozen are dominated in the wedding ritual text. The number «three» symbolizes the ternary system the universe of all things. The number seven, the most frequent in the wedding ritual text of the Ossets, suggests the symbolism of the microcosm of man and is based on a mythological basis. It is also noted that in the wedding ceremonies of Ossets there are two parallels. On the one hand, the reference to the symbolism of the odd (odd as a whole is endowed with positive semantics), and on the other - the use of ritual songs and wedding prayers even number two acquiring the text of the wedding ceremony and the symbolism of a particular utilitarianism, associated with the union of the bride and groom pair.

Keywords: numerical code, ritual, ceremonial text, semantics.

Свадебный обряд в целом может рассматриваться как выстроенная последовательность знаков, как текст, который составлен сложно и образует структурные организации текстов (напр.: текст невесты и текст жениха). Свадебный обрядовый текст насыщен символами. Знак особого рода, во многих отношениях являющий собой полную противоположность знаку обычному. Такой знак-символ всегда включает в себя некий смысл. В случае рассмотрения свадебной обрядности осетин как семиотического пространства (области знаковой деятельности) знак несёт определённую информацию. Знаком же способно выступать любое материальное выражение (слово, предмет, **число** и т.д.), имеющее семантику и несущее определённый смысл.

Предлагаемая статья рассматривает в качестве подобного знака число. Двойственность содержания числа как знака предполагает, что он, с одной стороны, материален (имеет план выражения), с другой – является носителем нематериального смысла (план содержания). Природа **знака-числа** определяет принципы семиотического анализа.

Символика числа находит свое выражение, прежде всего, в **акциональном** (три круга вокруг очага *артдзæст*, три удара об надочажную цепь *рахыс* ножом), **предметном** (*артæ чъирийы* три пирога, на которых лежат *артæ физонаджы уæхсты* **три** шампура шашлыка с *æвд дзидзайы къæртты* **семью** кусками мяса на каждом (данный предметный комплекс относится к понятию *кувинаг*), *фынг* (трехногий стол) и **вербальном** (благопожелание невесте: *æвд лæппуйы мад су* стань матерью семи мальчиков) кодах, реже – в **темпоральном** и **персональном** (триада – *чынды* невеста, *къухылхæцаг* шафер и *æмдзуарджын* дружка/сокрестник).

Описание и реконструкция числовой картины мира обрядности осетин предполагает применение бинарной оппозиции. «Чёт – нечет». «Мир мёртвых – Мир живых». Для сравнения берём погребальную обрядность: «В архитектуре склепа, усыпальницы (*зæппадз, мардаварæн*) Северной Осетии прослеживаются пропорции на основе числа «4» и «8» как удвоение числа четыре (4x2); число «восемь» – символ бесконечности мифологий древнего мира» [3, 138]. Приведём также осетинские пословицы, относящиеся к семантике числа в погребальной и в свадебной обрядности: *цыны бадтæн* **артæ** – *хистæртæ*, **артæ** – *кастæртæ*, *зианы* – **дыууæ** для радостного застолья – **трое** старших и **трое** младших, для траурного – **двое**; *цыны фынгыл* **артæйæн** *иу хай*, *зианы фынгыл* – **дыууæйæн** на радостном застолье **троим** один кусок, на траурном – **двоим**; *цыны фынгæн* – **артæ** *хистæры æма* **артæ** *кастæры*, *зианы фынгæн* **дыууæ** – *хистæртæ*, **дыууæ** – *кастæртæ* радостному застолью – **трое** старших и **трое** младших, траурному застолью – **двое** старших и **двое** младших. Число-символ демонстрирует полярность двух основных обрядов осетин. Погребальному ритуалу соответствует символика числа два **дыууæ**, свадебному – три **артæ**. Число два **дыууæ** в похоронной обрядности осетин свидетельствует об утрате третьего компонента мироздания. Число три **артæ** в свадебной обрядности символизирует совершенство миропорядка. Что касается предметного кода, то нечётное количество пирогов – обязательная принадлежность торжественного стола у осетин, в том числе и свадебного.

Рассмотрим сакральное значение числа три **артæ** в **акциональном** коде свадебного ритуала осетин: к вечеру третьего дня свадебной процессии шафер *къухылхæцаг* и дружка *æмдзуарджын* выводят невесту к гостям. Шафер *къухылхæцаг* ведёт невесту в центр дома, обводит её **три** раза вокруг находящегося там очага *артдзæст*, затем в правую руку берёт чашу пива, в левую – **три** ритуальных **треугольных** пирога *чъиритæ* и произносит молитву. После молитвы он ударяет **три** раза ножом или кинжалом по надочажной цепи *рахыс*, вос-

клиция: «*О Хуыцау! Фæндаграс тæ фæкæ! О, Всевышний! Да будет прямым (удачным) её путь! Уастырджи! Фæндаграс тæ фæкæ! Уастырджи! Да будет прямым (удачным) её путь! Сафа! Фæндаграс тæ фæкæ! Сафа! Да будет прямым (удачным) её путь!* Другой вариант данного ритуала описан у Ш. Ф. Джикаева: «*Чызджы хæдзары дæр æмæ сияхсы хæдзары дæр къухылхæцаг сласы йæ кард (фæстаг æнусты æхсаргард кæна хъама), рахæцы чындзы рахиз цонгыл æмæ йæ æртæ хаты æрзилын кæны артдæсты алыварс, алы зылдæн кардæй Сафайы рахыс ныццавы, кувы «Фарн фæцауы», афтæмæй. И в доме девушки, и в доме зятя шафер къухылхæцаг достаёт свой нож (в последнее время – саблю или кинжал), берёт невесту за правую руку и три раза обводит её вокруг очага, после каждого круга (также символика числа три *æртæ*. – Абаева) ударяет о надочажную цепь, молясь «Фарн шествует!» [4, 83].*

Называние числа в контексте с ритуальными атрибутами свадебной обрядности (**предметный** код) приобретает некую степень символичности. С этого момента число и предмет становятся неотделимы. Расшифровка сакрального смысла происходит посредством этнолингвистического метода, который обеспечивает комплексный подход к интерпретации числа.

Число три *æртæ* обретает в приведённых примерах сакральное значение, соединяясь с понятием «круг». Три ритуальных круга перекрывают доступ злу. Та же семантика числа три *æртæ*, проявляющаяся посредством **акционального** кода, реализуется в *хызисæны æгъдау* обряде снятия фаты невесты: *хызисæг* дружка, уполномоченный снять фату, берёт в руки *сарызæды хæцыл* свадебный флажок, **трижды** очерчивает **круг** вокруг головы невесты и произносит благопожелание, в котором трижды выкрикивает слово «*фарн*», семантика которого включает в себя понятия «благополучие» и «счастье». Эта же семантика троекратного произнесения желаемого лежит в основе «звуковой магии» свадебного ритуала. Троекратное повторение вербальных формул и акциональных действий организует магически эффективный ритуал. Правильное произнесение обрядового текста (благопожелания) ставится в зависимость от «счётных» формул магического этикета. Три ритуальных пирога также синтезируют в себе символику числа три *æртæ* и символ круга в контексте свадебного обряда.

Варке ритуального осетинского пива *æлутон* также сопутствовал числовой код обряда: по поперечным клёпкам на котлах варщик пива определял, сколько солодового затора уже выкипело и сколько ещё нужно кипятить. «В зависимости от предполагаемых объёмов и качества приготавливаемого пива сусло, по воспоминаниям информаторов, должно было максимально увариться до седьмого ряда клёпок» [7, 326]. Помощник пивовара следил за тем, насколько уварилось сусло в котле: *иу зæггал уал ныффыхт, дыууæ зæггалы, æртæ зæггалы, æвд зæггалы æнаеманг хъуама ныффыхца* уварилось до первой заклёпки, до второй, третьей, до седьмой заклёпки

должно непременно свариться. Семантика числа семь *авд*, в данном случае, отводит нас к понятиям совершенства, достаточности и гармонии.

Особенно сакральными у осетин были *аенакъай* нечётные числа и среди них, в первую очередь, – три *артæ* и семь *авд*. «По сей день невестке желают «семерых мальчиков». Возможно, с этим также связано название люльки у осетин – *авдаен* «для семерых» [9, 228].

Числа в тексте выступают как классификаторы неких существенных элементов текста, выраженных существительными и указывающих количество этих элементов или их порядок. Соответственно, в таких случаях выступают количественные (предметный код: *артæ чъирийы три пирога, артæ физонаджы уæхсты три шампура шашлыка, двенадцать* предметов в комплексе «*мыдыкъус*») и порядковые (персонажный код: первый старший *фыццаг хистæр*, второй старший *дыккаг хистæр*, третий старший *артыккаг хистæр*; первый визит сватов *минавæртты фыццаг æрбацыд*, второй визит сватов *минавæртты дыккаг æрбацыд*, третий визит сватов *минавæртты артыккаг æрбацыд*) числительные. Число в свадебных текстах играет существенно иную роль, нежели в «чистой» математике и даже просто в практическом обиходе. **Числовой** код свадебного текста осетин, включающий обширный **вербальный** компонент, затрагивает в большинстве случаев числа первого десятка. Десятичный и двадцатичный счёт в свадебном тексте осетин встречается редко.

Вербальный код свадебного обрядового текста осетин представлен молитвословиями, обрядовыми песнями, благопожеланиями, причитаниями, поговорками, пословицами и заговорами народа, относящимися к свадебной обрядности. Свадебная песня «Алай» демонстрирует частое употребление чисел семь *авд* и восемь *аст*:

Авд авди – гобанттæ,

Уæй, алай, уæй, алай!

Аст – асти – гъæддзалтæ,

Уæй, алай, уæй, алай! [5, 92].

Семью семь матрацев,

Уай, алай, уай, алай!

Восемью восемь одеял,

Уай, алай, уай, алай! [5, 248].

Сакральное значение чисел семь *авд* и восемь *аст* в песне удваивается. Такая словесная игра, вероятно, предполагает увеличение вдвое их сакрального действия посредством вербальной магии. Надо сказать, что и В. И. Абаев считал, что число восемь *аст* «лежало в осетинском в основе счёта наряду с десяткой» [2, 77].

Традиционная молитва старшего в доме невесты *Хестæри кувд, киндзи ка фæццауы, йеци кизгаен* обильно насыщена числовыми символами:

Дуйнетæ ка скодта, йеци еунæ Хуцау,

Еу хатт дин да ном ку иссерæн, уæд сæдаæ хатти агъазгаенаг уо!

Маена еу-дзуæ сувæллоней туххæй æрбанбурд

Создатель всего сущего, единый Боже,

Если мы упомянем единожды твоё имя,

Сто раз помоги нам!

Вот ради этих двух детей собрались мы,

ан,
 Сæ цард кæрæдзæбæл бабастонца,
 Æмæ царди баст æвæсмондæр кæмæн
 рауадæй райдайæнæй кæрони уалдæнгæ,
 Уой æмбал аци дууæ сувæллоней цард
 искæнæд!
 Авди сæр, авд идауæги,
 Йеци дууæ сувæллоней туххæй ци мæнгæй
 æрæнбурд æй тургъи,
 Йета дууæ хæстæгæй астæу æвдай дзууарæ
 уæнтæ!
 Мах дæр исæмбæлæг адæн ан,
 'Ма не сæмбæлд ка'й йе устур амонд уæд!..
 ...И нæртон адæнæй æвддæсинсæй æмбали
 кæмæн адтæй,
 Йеци киндзæ ци бони фарни æрцудæй,
 Аци киндзи дæр Хуцау йеци бони фарни
 æрцæун кæнæд!
 Нæ цæститæбæл ке уинæн,
 Æ рахес къохи сугъæрина кисæ фæххæссæд,
 Æ галеу къохи авди берекет фæххæссæд! [5,
 123-124].

Свои судьбы они соединили,
 И да уподобятся они тем,
 Кто, соединив свои судьбы,
 Прожил от начала до конца без сожаления.
 Начало **семи-семь** идуагов!
 Пусть между двумя роднящимися фамилия-
 ми
Семьюдесятью божествами будут
 Те люди,
 Что собрались во дворе ради этих двух де-
 тей...
 ...Пусть эта невеста уходит в такой бла-
 гостный день,
 Как та, у которой поезжанами были
Семнадцать по двадцать из нартовского
 народа!
 Да увидим мы, что она несёт
 В правой руке золотой кошелёк,
 В левой руке – обилие **семи!** [5, 278-279].

Число один *иу*, здесь – *еу* (*дигор.*), символизирует Всевышнего, число сто *сæдæ* практически приравнивается к семантике числа один *иу*. Семь *авд* в тексте молитвы олицетворяет древнейшее божество *Авд дзуары* (дословно – «семь святых»), семантику которого подробно разобрал и исследовал В. И. Абаев [1, 89-96]. Семантика числа семнадцать по двадцать *æвддæсинсæй* равно числу триста сорок *æртæ сæдæ æмæ дьууиссæдзы*, в котором есть числа три *æртæ* и четыре *цыттар*, соединение которых приводит нас к сакральному числу семь *авд*. Принимаем во внимание индоевропейские корни осетинского языка и иранское происхождение всего числового ряда в нём; число семь *авд* восходит к **др. инд** *sapta-* [2, 83], а при написании на санскрите изображается в виде зародыша ⁹. Таким образом, предполагаем, что число семь *авд* символизирует чадородие, а также – плодородие.

Символика числа один *иу* проявляется в лексеме *иунæг* «единый» в сочетании со словом *Хуыцау* Всевышний:

Уæдæ, иунæг Хуыцау æмæ Мады Майраем,   *Так пусть, единый Боже и Мать Мария,*

Кæй сын раттат, уыдон сын-иу цæринаг Те, кого вы им дадите,
фауæнт, Пусть будут жить они – семь сыновей и две
Авд лæттуйы аема дыууæ чызджы! [5, 125]. дочери!

В контексте пожелания молодым **семь** сыновей *авд лæттуйы* и **две** дочери *дыууæ чызджы* встречается число два *дыууæ* в данной молитве. В текстах свадебных молитвословий число два *дыууæ* обозначает жениха и невесту, причём, они подразумеваются (план содержания) как единое целое.

...Хуыцау, дæхи сконд пехуымпæрттæ аема ...Боже, созданные тобой пророки и зэды,
зæдтæ Пусть содействуют этим двум душам!..
Ахъазгæнаг фауæнт ацы дыууæ удаен!.. [5,
126].

Часто в свадебном молитвословии встречается параллельное употребление сакрального числа **семь** *авд* в значении «*авд дзуары*» (семь святых) и «*авд лæттуйы*» (семь сыновей), что относит практически весь свадебный обряд к небесному божественному акту:

– Регахы Авд дзуары, авд лæттуйы сын – Семь Регахских святых,
Куыд райгуыра, афтæ сæ «ралгъит»... [5, Нашлите на них такое «проклятье»,
128]. Чтобы у них родилось семь сыновей... [5,
284].

Свадебные осетинские благопожелания *арфæтæ* демонстрируют числовую символику числа **семь** *авд*: *авд дзуары уын авд хорзы балавар кæнæнт!* Семь святых пусть даруют вам семь благостей! *Авд лæттуйы мад фауы!* Стань матерью семерых мальчиков! *Хуыцау уын авд фырты раттад!* Пусть Всевышний пошлёт вам семерых сыновей!

В народных мудростях, касающихся свадебного ритуала, также часто встречается сакральное число три *артæ*: *ирон фынгаен – артæ къахы* осетинскому столу – три ноги, *нывондаджы кусартæн – артæ кæрдзыны аема кувинаджы нуæзт* при заклании жертвенного животного требуется три хлебца и праздничный напиток, *чынздæхсæвы кусарты физонагæн скаеныц артæ артæдзыхоны аема артæ уæливыхы артыгай хорзæхты аема зæдты номыл* к свадебному жертвенному закланию животного шашлык готовят, три треугольных пирога и три круглых пирога с сыром – по три милости святых.

Реже в обрядовом свадебном тексте осетин реализуется сакральное число девять *фараст*. Традиционная свадебная формула благопожелания обильного потомства молодым тоже иногда меняла свою форму. К примеру, вместо семи могли пожелать молодым также и девять мальчиков: *О Хуыцау! Фараст лæттуйы мад йæ фæкæн!* О, Всевышний! Да станет она матерью девяти мальчиков! Символика числа девять *фараст* в данном случае обозначает кратность сакральному числу три *артæ* «три раза по три». Отметим также, что числительное девять *фараст*, в отличие

от остальных, «не восходит к соответствующему общеиндоевропейскому названию (др. иран. *nava-*), а представляет новое, на осетинской почве возникшее, образование из *far-ast* (*pāra-ašta*) буквально «за восемь», «сверх восьми» [2, 419]. Пожелание могло менять свою формулу, и вместо девяти мальчиков желали «иметь **двенадцать** мальчиков и **одну** одноглазую девочку» [6, 310]. Символическая трактовка числа двенадцать *дыуадæс*, предположительно, могла прийти из христианства.

На примере различных вариантов формулы пожелания невесте обильного потомства мы можем проследить эволюцию ценностных ориентаций осетин в представлении об идеальной семье. Итак, мальчиков могли пожелать:

вариант № 1 (наиболее распространённый и закрепившийся в настоящее время) – семь *авд*;

вариант № 2 (довольно редко встречающийся и, в основном, в контексте молитвословий) – девять *фараст*;

вариант № 3 (встречается в качестве благопожелания *арфаæ*) – двенадцать *дыуадæс*.

Девочек, как правило, могли либо вообще не пожелать, либо пожелать одну *иу* (*иунаг*), и максимальное число девочек, которое могли пожелать – это две *дыуаæ*.

В осетинском обрядовом свадебном тексте, как выяснилось, наиболее употребительным и применяемым числом является семь *авд*: оно более других сакрализовано. В контексте свадебного ритуала осетин число «семь» становится количественным символом «полной» мифологической модели космоса в его пространственно-временных и процессуально-ритуальных ипостасях. Именно его мифологическая символика стала причиной сакрализации этого числа и его составляющих *три* и *четыре* в традиционной культуре не только осетин [3, 138].

В свадебной обрядности осетин число семь *авд* символизирует единство целого и гармонизирует бином мироздания, соединяя в себе мужское начало – три *артаæ* с женским – четыре *цыттар*, *къай* – *æнакъай* чет – нечет, *налон* – *сылон* мужское и женское.

В **персонажном** коде обрядового свадебного текста осетин преобладает сакральное число три *артаæ*.

Предсвадебный период: три персоны в числе сватов *минавæрттаæ*; собственно свадьба: три главных действующих лица свадебного обряда (невеста *чындз* и двое близких семье жениха родственников или его друзей, которые сопровождают невесту в течение всей свадьбы *къухылхацаг* и *æмдзуарджын*); ритуальная свадебная трапеза: трое старших, произносивших основные молитвословия (главный первый старший *фыццаг хистæр*, второй старший *дыккаг хистæр* и третий старший *артыккаг хистæр*; заключительная часть свадебного действия: невеста *чындз*, посажённая мать *кæнга мад/дыккаг мад* и шафер *къухылхацаг*. Таким

образом, что касается участников обряда, то в осетинском свадебном обрядовом тексте предпочтение отдаётся *нечётному* количеству участников.

Что касается **темпорального** кода обрядового свадебного текста, то в нём доминируют числа три *арта* и семь *авд*. **Три** раза *арта цыды* – в течение **трёх** недель ходили сватать девушку. Успешное завершение сватовства – главная цель сватающих, и число три *арта* здесь имело сакральное значение: семье девушки дать ответ раньше или позже этого времени было равносильно навлечению беды. **Семь** дней *авд бонь* длился свадебный цикл осетин. Сакральное число семь *авд*, в таком случае, символизировало совершенство и успешное завершение свадебного ритуала.

Числовая символика не могла не проявиться и в **танцевальном** коде свадебного ритуального текста. Отметим, что главным условием обрядового танца-молитвы «Симд» было *чётное* количество танцующих. Парность присуща и танцевальному коду свадебного текста осетин: в двойке *дыуа* в лице всех танцующих можно «прочитать» символы жениха *усгур* и невесты *чынды*.

Понимание **числового** кода осетинского свадебного обрядового текста легко позволяет обнаружить глубокую его архаику или, по меньшей мере, возможность её реконструкции. Три *арта* – число гармонии и законченности; оно имеет начало, середину и конец, подразумевает также под собой силу, так как содержит центральный элемент. Графическое воплощение числа три *арта* – треугольник *артакъуымон*.

Известно, что мифопоэтическая модель мира выражается символически (с помощью цветового, числового, геометрического и других кодов). Согласно праиндоевропейской традиции, мир делится на три уровня: верхний населён светлыми духами; средний – предоставлен человеку, обращающемуся за помощью к земным духам; нижний – скрывающий могущество сил земли и воды. Пространство в осетинской традиции представлено верхним миром – *Дунейы Рухс* Мировым Светом, *дауджыта* духами, покровителями – это материальный мир; силы, несущие смерть и изменчивость бытия, представляют *далимонта* – низшие духи, обитающие в нижнем мире.

В данной троичности заключается целостность Божественного мироздания: Всевышний *Хуыцау* объединяет всё сущее и не-сущее, всё, что рождается, и что переходит в иной мир и пребывает в нём.

Треугольник *артакъуымон* символизирует сущность Всевышнего, его явленность в качестве производительных сил земли *зэдов* и *дауагов*: к ним обращаются в молитвословии, прося помощи и поддержки в земных делах – в домашнем хозяйстве, в воспитании детей, на охоте, войне, при сборе урожая и пр. [8]. Так реализуется сакральная символика числа три *арта*. Вербальному акту текста свадебного ритуального застолья *куывд* предшествует са-

кральное раздвигание трёх ритуальных пирогов на блюде. По нашему мнению, форма, которую они принимают, совершенно точно предполагает трикветр < лат. «имеющий три угла». Числовой код текста свадебной обрядности осетин тесно переплетён с его геометрическим кодом, где число три *артæ* связано с треугольником, а число один *иу* – с кругом. Ритуальный свадебный стол, в зависимости от соответствующего момента обряда, включает в себя три пирога либо круглой *чъири*, либо треугольной *артæдзыхон/сæвсат* формы. Число три *артæ* квалифицируется как совершенное число. Известно, что и во многих мифопоэтических системах треугольник также символизирует семантическую нагрузку своего числа, а также плодоносящую силу земли, совершенство и элементарные уровни мироздания.

Таким образом, наиболее предпочтительными в свадебной обрядности осетин являются: число три *артæ*, которое символизирует троичную систему мироздания; число семь *авд*, которое встречается в свадебном обрядовом тексте осетин чаще остальных и базируется на мифологических основах.

Список литературы

1. Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – 640 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 657 с.
3. Бесолова Е.Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте её текстуально-вербального выражения. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 406 с.
4. Джыккайтты Шамил. Рагон ирон цард æмæ адамы зондахаст. Миф. Фольклор. Æгъдау. Дзæуджыхъæу: ЦИПУ-йы рауагъдад, 2010 аз. – 264 ф. / Джикаев Ш.Ф. Древний быт и мировоззрение осетинского народа. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. – 264 с.
5. Памятники народного творчества осетин // Сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ: Ир, 1992. Т. 1. Трудовая и обрядовая поэзия. 1992. – 440 с.
6. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах // Сост., примечания и комментарии Л. А. Чибирова. – Владикавказ: Ир, Кн. 6. 2006. – 488 с.
7. Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / Сост. В.А. Цагараев, Е.М. Кочиева. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. – 552 с.
8. Цораев З.У. Три пирога. URL: <http://assdin.ru/articles/19-tri-piroga.html> (Дата обращения 26.03.2012 г.)
9. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. – Владикавказ: Ир, 2008. – 599 с.

Рецензенты:

Бесолова Елена Бутусовна, доктор филологических наук, доцент, заслуженный деятель науки РСО-Алания, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А», г. Владикавказ.